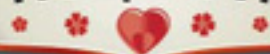

084

ПОЦЕЛУЙ

НИККИ ЛОГАН

Выбор ее сердца

HARLEQUIN®

KISS™

Поцелуй – Harlequin

Никки Логан

Выбор ее сердца

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Логан Н.

Выбор ее сердца / Н. Логан — «Центрполиграф»,
2015 — (Поцелуй – Harlequin)

Вот уже год Эвелин Рид разыскивает своего пропавшего брата. Молодая красивая женщина одна колесит по дорогам Австралии в автофургоне и расклеивает объявления. Однажды на пустынном шоссе она наткнулась на потерпевшего аварию Маршалла Салливана, большого, умного, доброго человека и убежденного холостяка. Что-то в Эвелин тронуло его сердце, он принял участие в ее горе. Страсть бросила их друг к другу, и Маршалл понял, что эта женщина создана для него, но на его призыв, хотя и с болью в сердце, Эва ответила отказом, ведь у нее другая цель. И тогда он решил помочь ей, пусть даже она его об этом не просила...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

© Логан Н., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Никки Логан

Выбор ее сердца

Nikki Logan

Her Knight In The Outback

Эта книга является художественным произведением.

Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

© 2015 by Nikki Logan

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

Глава 1

Эвелин Рид ненавидела жизнеопределяющие моменты, когда все страхи и предубеждения встают перед глазами, точно аспид перед броском, выползший на нагретую жарким австралийским солнцем магистраль и потревоженный человеком.

Она прищурилась, чтобы лучше рассмотреть мотоциклиста, появившегося из висящего над горизонтом зыбкого марева. Прихрамывая, он шел ей навстречу. Она крепче сжала руль.

Возможно, ее брат Трэвис пропал при схожих обстоятельствах: остановил машину по просьбе незнакомца и сгинул без следа. С тех пор минуло несколько месяцев. Внутренний голос требовал нажать на педаль газа и уехать прочь от опасности. Понимала она и то, что подобный момент мог спасти брата, если бы добросердечный водитель затормозил, вняв призыву о помощи. Тогда Трэвис был бы сейчас в безопасности, с семьей, окруженный любовью.

Стоило ей подумать о том, что никогда больше не увидит брата, как желудок скрутило в тугой узел. Подобное случалось всякий раз, когда она начинала слишком долго размышлять об аванюре, в которую ввязалась.

Мотоциклист приближался.

Эва никак не могла решить, спастись ли бегством, как подсказывал инстинкт, или, памятуя о принадлежности к социуму, помочь попавшему в беду человеку? Наверняка в прериях существует особый кодекс, призывающий к осторожности, да и сама она слышала множество историй от убитых горем людей, так что правила поведения и вежливости ее особо не волновали.

Эва заметила мотоцикл, лежащий чуть поодаль на обочине длинной пустой дороги. Неряшливого вида мужчина с густой бородой подошел к ее отреставрированному автобусу «Бедфорд» образца 1956 года. Она проверила блокировку дверей.

Мужчина замер у двери и выжидающе посмотрел на Эву. Его глаза были скрыты солнцезащитными очками, из рукава темной футболки виднелась татуировка в виде кинжала.

Ну уж нет! Никто не станет впускать в дом первого встречного! Особенно когда до людей несколько часов езды. Она жестом показала ему подойти к водительскому окну, незнакомец похромал туда.

«Социопаты решают, хищник вы или жертва, в первые несколько секунд знакомства», – Эве вспомнился текст предупредительной листовки. Она не собиралась давать этому «пострадавшему» возможность навредить себе.

– Доброе утро. – Она старалась придать голосу веселость, будто ничего особенного не происходит. – Не задался денек, а?

– Эму, – прорычал мужчина, обнажив ряд здоровых ровных зубов.

Это обстоятельство почему-то успокоило. Можно подумать, у всех злодеев обязательно гнилые зубы! Она обвела взглядом придорожные кусты в поисках большой птицы, сбитой мотоциклом, но ничего не обнаружила.

– И?

– Я в порядке, спасибо.

Она снова посмотрела на его очки.

– Это я и так вижу. А вот эму от подобных столкновений приходится туго, – авторитетно, будто что-то в этом понимает, изрекла Эва.

Стая неслась со всех ног, один чуть не верхом уселся на меня. Теперь он милях в двадцати отсюда, гадает небось, когда и где успел когти испачкать.

В доказательство мужчина указал на мотоциклетный шлем, принявший удар. Эва кивнула, решив про себя, что незнакомец уже отнес ее к разряду «жертв», раз она сочувствует эму.

– Куда путь держите?

Эву насторожил его интерес.

– На запад. – Иных дорог в округе не было.

– Подбросите до ближайшего города?

«Интересно, стоит ли списать его раздражительность на мое нежелание помочь? Других-то машин на дороге нет». Она бросила взгляд на покореженный мотоцикл.

– Подождет здесь, пока я не вернусь за ним на грузовике, – пояснил незнакомец.

Хотя борода и татуировка по-прежнему не внушали доверия, согнутые плечи и покалеченная нога убедили Эву. Падение с мотоцикла явно было очень болезненным. Возможно, у него имеются и другие повреждения, невидимые глазу?

Но в передней части автобуса всего одно место. Водительское.

– У меня в салоне дом, – протянула она.

– И что?

– А то, что я вас не знаю.

Мужчина оскорбленно поджал губы, но ей было все равно. Не хотелось пускать в свой мир незнакомца.

– До границы штата всего час езды. – Он вздохнул. – Постою на приступке до Евклы¹.

То есть в опасной близости от нее, и может что-нибудь с ней сделать, а она не сумеет это предотвратить.

– На мотоцикле, может, и час, а моя старушка ползет в два раза медленнее.

– Что ж, постою два часа.

Эве хотелось оставить его на дороге и выслать помощь, но перед глазами мелькнул образ Трэва, потерянного и нуждающегося в помощи, тогда как люди равнодушно проезжали мимо. Если бы кому-то достало мужества остановиться.

– Я вас не знаю, – неуверенно повторила она.

– Я просек ситуацию. Вы одинокая женщина, я большой страшный байкер, которого нужно опасаться. Но если вы бросите меня здесь, помощь может прийти только завтра, мне придется заночевать на дороге. Я ж себе задницу отморожу!

Эва неуверенно достала телефон, но незнакомец лишь качнул косматой головой:

– Будь тут сигнал, я давно бы им воспользовался.

С телефона можно было отправить лишь сигнал бедствия, но байкеру смертельная опасность явно не грозит.

– Соглашайтесь, ну пожалуйста! – настаивал мужчина, раздосадованный тем, что приходится просить. – Подвезите хоть, пока сигнал не появится.

Как далеко придется ехать? Они ведь в Западной Австралии, кругом пустыня, никаких городов, людей и телекоммуникаций.

– У вас есть удостоверение личности?

Сунув руку в задний карман джинсов, он вынул бумажник.

– Нет, водительские права не показывайте, они могут быть поддельными. Есть что-нибудь с фотографией?

Мужчина медленно достал мобильник и, пролистав несколько снимков, прижал к водительскому стеклу. На экране виднелось изображение холеного серьезного мужчины в деловом костюме. Какой привлекательный! И определенно заслуживающий уважения.

– Это не вы.

– Нет, я.

Эва смерила его взглядом:

– Не вы.

¹ Евкла – населенный пункт в Австралии, регион Голдфилдс-Эсперанс.

Наверняка скачал фотографию из Интернета. Таких снимков там более чем достаточно, стоит только набрать в поисковике «Успешный бизнесмен».

Заворчав, незнакомец нашел в телефоне другое изображение себя, на этот раз со щетиной. Тем не менее он ничем не походил на патлатое чудовище, стоящее сейчас перед Эвой. Видя, что она все еще колеблется, он снял солнечные очки, явив серые глаза, провел рукой по копне спутанных светлых волос.

Возможно, действительно он.

– А теперь покажите права.

Ругательство запуталось в густых усах незнакомца, но он повиновался и с силой припечатал к стеклу удостоверение.

Маршалл Салливан.

Эва сфотографировала его на мобильник так, чтобы права тоже попали в кадр.

– Это еще зачем?

– Страховка.

– Я лишь прошу подвезти меня и не имею коварных намерений на ваш счет.

– Легко сказать.

На всякий случай она отослала фото ближайшей подруге и отцу в Мельбурн.

Мужчина закатил глаза:

– Здесь же нет сигнала.

– Как только появится, сообщение будет отправлено.

Она спрятала телефон в отделение на приборной доске.

– А вы совсем людям не доверяете, леди.

– Знаете, сломавшаяся машина на пустынном шоссе – старый трюк. – Она посмотрела на его шлем предположительно с отпечатками когтей эму. – Хотя ваша история и выглядит довольно правдоподобно.

– Потому что это правда.

– Я путешествую одна и не хочу рисковать. В кабину не пущу, тут слишком мало места. Поедете в салоне.

– Не бойтесь, что я заражу все вещи особыми байкерскими бактериями, а?

– Вы едете или нет?

– Еду. – Он сверкнул глазами и, процедив сквозь зубы слова благодарности, поковылял собирать вещи, кучей сваленные на дороге возле покореженного мотоцикла. Кожаная куртка, пара сумок, какая-то коробка.

Видя, что его руки заняты, она подъехала ближе и скомандовала:

– Задние двери.

Он неловко забрался внутрь, покачнув автобус, и остался один на один с ее немудреными пожитками.

Два часа.

– Что ж, старушка, – шепотом обратилась Эва к автобусу, – давай поднажмем немного?

Маршалл пытался нащупать выключатель, но нашел лишь занавеску из плотной ткани и отодвинул ее в сторону. Хлынувший в салон солнечный свет разогнал полумрак, его глазам открылась удивительная картина.

Ему и прежде доводилось видеть жилые автобусы, но в них обычно царило запустение. Все было потертым, бездушным, неопрятным. Здесь, наоборот, тепло и уютно, как в маленьком домике, затерянном в лесу. Обстановка никак не соответствовала враждебной натуре леди-водителя. Деревянная отделка, повсюду темные плюшевые коврики. Пространство тесное, но со всем необходимым для жизни. Кухонька с холодильником, гостиная с плазменным телеви-

зором, диван. Даже пальмы в кадках. Прямо-таки уменьшенная версия квартиры! В дальнем конце дверь, за которой наверняка кровать.

Тут Маршалл догадался, почему маленькая мисс Злючка не хотела пускать его внутрь. Это сродни приглашению незнакомца с улицы прямоком в собственную спальню.

Автобус содрогнулся от переключения передачи, Маршалла отбросило на диван, вмонтированный в левую стенку. Он, конечно, не такой удобный, как восьмиместный диван в домашнем кинотеатре его городской квартиры, но бесконечно лучше гальки, на которой он просидел несколько часов после столкновения с эму. Чертова пуганая птица! Могла ведь убить их обоих. Должно быть, мотоцикл «КТМ-1190» такой же шумный, как ветер, свистящий в ушах несущегося на скорости эму, вот они и столкнулись.

Маршалл привалился к спинке дивана, подавляя желание осмотреть левую ступню. Он знал, что иногда после аварий раздробленные кости держатся вместе только за счет обуви, и не хотел снимать ботинок, опасаясь умереть от кровопотери. Что-то подсказывало, что неприветливая хозяйка не придет в восторг, если он зальет кровью деревянный пол. Нужно зафиксировать ногу. Он затащил на диван одну из сумок, закинул на нее ступню, под голову положил несколько подушек и с наслаждением вытянулся на диване.

– О да, – простонал он.

Маршалл обожал свой мотоцикл, скорость, прямой контакт с местностью, которого никогда не добьешься, путешествуя в машине, и ощущение свободы, дарованное австралийским простором. Однако, попав в аварию, уразумел хрупкость бытия.

Страусы бежали организованно, ничто не предвещало беды, пока одна из птиц не налетела прямо на него. Когда эму растворились за линией горизонта, остатки адреналина испарились, а пыль улеглась, Маршалл остался один на один с тишиной и болью. Ах да, еще пропал сигнал сотовой связи.

В обычных обстоятельствах это его бы не встревожило. Даже в такой огромной стране, как Австралия, трудно по-настоящему затеряться, остаться наедине с самим собой. Лишь путешествуя в *правильное* время года, то есть при полном отсутствии туристов, можно заполучить дороги в единоличное распоряжение и делать все, что душе угодно. Носить любую одежду, не расчесывать волосы, не заботиться о чистоте тела. Перестав придавать значение людям, Маршалл перестал придавать значение и тому, что о нем подумают. Будто перенесся на страницы учебника по истории Древнего мира. Так намного проще жить.

Старик «Бедфорд» наконец переключился на достойную скорость, и грохот отремонтированного двигателя сменился ровным гулом, сообщающим телу такую же вибрацию, как и мотоцикл. Маршалл сделал то, что никогда не мог себе позволить, будучи за рулем, закрыл глаза и целиком растворился в этом гуле.

«Два часа», – сказала она. Два часа на отдых и наслаждение дорогами, которые он так любит. В горизонтальном положении.

– Кто спал на моей кровати? – прорычала Эва, глядя на мужчину, этакого медведя, спящего на ее маленьком диване. Отчего-то вспомнилась сказка про Златовласку.

Она откашлялась. Ничего не изменилось. Он даже не пошевелился.

– Мистер Салливан?

Нет ответа.

Ей пришлось в голову, быть может, он вовсе не спит, а впал в кому, потому что ранение оказалось более серьезным, чем они оба считали. Эва перебралась в салон, подошла к нему, позабыв об устрашающей татуировке. Прикоснувшись к ямочке под челюстью, вздохнула от облегчения, нащупав ровный пульс.

– Мистер Салливан, – уже громче позвала она. Его брови легонько дернулись, волна пробежала под закрытыми веками. – Мы на месте.

Взгляд Эвы скользнул по его ноге, покоящейся на сумке, и сложенных на животе руках. Очень красивые руки, нежные, с ухоженными ногтями, хотя и испачканные каплями смазки. Такие руки у моделей из журналов. Эва отогнала эту мысль. Много ли найдется байкеров, подрабатывающих моделями?

Посмотрев ему в лицо, она хотела было снова позвать его, но обнаружила, что он смотрит на нее широко раскрытыми глазами, вовсе не серыми. Радужка цвета свинца присыпана золотистой пылью, гармонирующей с выпавшими волосами и бородой. Эва никогда не видела подобных глаз. Тут же вспомнила коричневые прибрежные скалы дальнего севера, нависшие над бледным чистым океаном. Именно там восемь месяцев назад началось ее путешествие.

– Мы на месте, – повторила она, раздосадованная собственным поведением, рассматривая его. Он поймал ее с поличным! Не пошевелился, возможно, потому, что она слишком низко склонилась над ним, щупая пульс.

– На каком месте?

Эва отпрянула:

– На границе. На время осмотра автобуса вам придется выйти.

Граница между Южной и Западной Австралией хорошо охранялась не из-за угрозы незаконного ввоза оружия или наркотиков, а из-за опасности, которую несли в себе плодовые мушки и мед. Если занимаетесь сельским хозяйством, привыкайте к карантину!

Салливан зашевелился и сел, с опаской поднялся на ноги и даже поправил подушки. Эва отметила это усердие. Значит, его воспитывали вовсе не ночные волки в кожаных куртках.

Салливан сгреб вещи и бросил их на землю, затем осторожно выбрался сам.

– Как нога?

– Нормально.

А он немногословен. Возможно, потому, что много времени проводит наедине с самим собой.

Пограничники быстро и умело проверили автобус Эвы и содержимое сумок Салливана. Приученная заранее избавляться от сомнительных продуктов или съесть их, она получила лишь одно нарекание из-за пары грецких орехов, которые пришлось выбросить.

Подняв глаза, она увидела, что он увлеченно беседует с одним из охранников, прижимающих к уху мобильный телефон. Очевидно, договаривается по поводу поврежденного мотоцикла. Когда инспекция закончилась, он, хромая, подошел к ней, перекинул сумки через плечо и сдавленно поблагодарил:

– Спасибо, что подвезли.

– Разве вам не в Евклу нужно было? – удивилась Эва, успевшая привыкнуть к попутчику.

– Пограничники пришлют людей мне на помощь. И о мотоцикле позаботятся.

– Рада, что все так быстро разрешилось.

– Простая вежливость.

Она решила, что он таким образом намекает на ее недружелюбное поведение, и вдруг сообразила, что понятия не имеет, чем тот занимается в свободное время. В дороге она была так напугана, что подобная мысль вообще не приходила в голову.

– Желаю удачного путешествия.

Он коротко, по-деловому кивнул в ответ и зашагал к пограничному пункту и маленькому кафе, где находили приют путники, отправление которых задерживалось. На оживленной границе Маршалл выглядел совсем нестрашным, хотя борода по-прежнему оставалась кустистой, а вытатуированный кинжал угрожающим. Сомнения и страхи, два часа назад терзавшие Эву на пустынном шоссе, развеялись.

Она впервые с удивлением отметила, как хорошо сидит на нем дорожная кожаная куртка.

Глава 2

Внимание Маршалла привлекли громкие голоса. Один из них женский, раздраженный и отчаянный, почти тонувший в агрессивном пьяном мужском хоре.

– Остановитесь!

Прохожие образовали широкий круг, в центре которого находился объект интереса. Маршалл подошел ближе, вместо того чтобы бежать куда глаза глядят, благо нога почти не болела. Если происходит что-то нехорошее, кто-то из собравшихся наверняка вмешается или хотя бы позовет на помощь. Ему нет нужды вклиниваться в подвыпившую толпу.

Тем не менее именно это он и сделал, осторожно лавируя в людской массе, пробрался в центр круга и увидел здоровяка, активно рвущего какие-то бумаги и разбрасывающего клочки во все стороны.

– Опять ты свои бумажки расклеиваешь! Не бывать этому! – рычал он.

Спиной к Маршаллу стояла женщина с темными волосами, собранными в небрежный конский хвост. По сравнению с обидчиком она казалась крошечной, но отступать не собиралась.

Маршалл тут же узнал в ней маленькую мисс Злючку.

– Это общественная доска объявлений, – твердила она, не обескураженная его габаритами.

– Только для жителей Норсмана, – басил тот, – а не для бродяг с востока вроде тебя.

– Общественная, – не сдавалась она. – Мне что, по буквам произнести?

Маршалл подумал, что ей не помешает усвоить несколько правил поведения в конфликтной ситуации. Судя по виду, этот парень пьяница и ксенофоб, поэтому не стоит оскорблять его в присутствии толпы местных жителей.

Она протолкнулась мимо него и с помощью степлера приколола на доску объявлений еще одну листовку. Такие доски, установленные вдоль пустынных шоссе, Маршалл встречал в Мадьуре, Коклбидди и Балладонии². Объявления о пропавших людях. Новые хрустящие листы поверх старых истрепавшихся.

– Остановитесь!

Нет, этот здоровяк определенно не собирается останавливаться, а теперь еще и его приятели вмешались. Проклятье!

Маршалл протолкнулся в центр круга и спокойным, но не терпящим возражений голосом, каким, бывало, успокаивал расшумевшихся коллег на заседаниях, объявил:

– Шоу окончено, ребята.

Человеческое стадо тут же переключило внимание на него. Борода и татуировки обескуражили здоровяка и его приятелей всего на мгновение, но большего и не требовалось.

– Поищем для ваших листовок другое место, – обратился он к маленькой мисс Злючке и ловко забрал у нее пачку бумаг и степлер.

Она резко развернулась к нему, но узнала не сразу.

– Немедленно верните.

Маршалл обратился к собравшимся:

– Все, ребята, расходимся.

Толпа расступилась, пропуская его. Эве пришлось последовать за ним.

– Это мое!

– Поговорим вон за тем углом, – процедил он сквозь зубы.

– Может, он специально сбежал, чтобы от тебя избавиться! – крикнул вслед здоровяк.

² Города в Западной Австралии.

Эва тут же развернулась и бросилась обратно. Сунув пачку бумаг под мышку, Маршалл устремился за ней и успел поймать до того, как она снова оказалась в эпицентре урагана, где с нетерпением поджидали трое мужчин. Он оторвал ее от земли, обхватив за талию, и прошептал на ухо:

– Не делайте этого!

Она извивалась, стараясь вырваться, отчаянно ругалась, пока он уносил ее дальше от улюлюкающей толпы.

– Поставьте меня, тупица вы этакий!

– Единственная тупица здесь та, кого я только что спас.

– Мне и прежде приходилось иметь дело с деревенщинами вроде этих.

– О да, вы отлично справлялись.

– Я имею право расклеивать здесь листовки.

– Имеете, спорить не буду. Но могли бы просто подождать немного, пока пьянчуги поте-
ряют интерес, тогда спокойно завершили бы начатое.

– Там ведь было человек тридцать.

– И все они не спешили вам помогать.

«Ну, это так, на случай, если она не заметила».

– Не нужна мне их помощь, – презрительно бросила она. – Я хотела привлечь внимание.

– Что, простите?

– Тридцать человек прочли бы листовку и запомнили, о чем в ней говорится. В против-
ном случае просто прошли бы мимо.

– Вы это серьезно?

Она отняла у него пачку листовок и степлер и прижала к груди:

– Конечно. Я в этом не новичок.

– Не знаю, что и думать. Из-за татуировки и кожаной куртки вы обращались со мной, как
с отверженным, а тут не побоялись выступить против целой компании выпивох.

– Я привлекла *внимание*.

– А банк вы, случайно, не собираетесь ограбить? Добьетесь схожего эффекта.

– Вы не понимаете, – возразила Эва, прожигая его взглядом.

Не удостоив его прощанием или благодарностью, она развернулась и зашагала прочь. Он
негромко выругался.

– Так просветите меня. – Он догнал ее, стараясь не обращать внимания на боль в ноге.

– Зачем?

– Я только что рисковал своей шкурой, спасая вас, вы у меня в долгу.

– А я помогла вам на шоссе, и мы квиты.

Невозможная женщина! Маршалл остановился:

– И все же.

Эва прошла еще несколько шагов, обернулась:

– Вы хоть видели листовку?

С самой границы только их и вижу.

– И что на них написано?

Маршалл нахмурил брови, пытаясь припомнить. Мужское лицо, горстка слов, одно круп-
ными буквами: «РАЗЫСКИВАЕТСЯ».

– Пропал человек.

– Именно. Вы с самой границы их видели, но не запомнили ни внешности этого человека,
ни имени, вообще ничего. – Она шагнула к нему. – Вот почему так важно привлекать внимание
людей.

Маршалл почувствовал себя последнем тупицей, кинувшимся спасать попавшую в беду
девушку.

- Чтобы они запомнили текст. И вас.
- Его! – Ее гнев испарился, как воздух из спущенного шарика.
- Вы во всех городах затеваете подобные противостояния?
- Делаю все, что могу.

Мимо проезжали машины с грохочущими стереосистемами. Маршалл вдруг увидел маленькую мисс Злючку в новом – печальном – свете.

– Простите, что помешал вам. Там, откуда я родом, не принято проходить мимо кричащей на улице женщины.

Его слова не соответствовали действительности. Он вырос в опасном районе, где зачастую лучшим решением было притвориться глухим и слепым, но дедушка с бабушкой воспитали его иначе, в отличие от брата Рика, предпочитавшего следовать материнским советам и не высовываться.

Эва изучающе смотрела на него.

– Вы, должно быть, то и дело попадали в беду?

Это точно.

– Позвольте угостить вас. Что-нибудь выпьете? Подождем, пока парни разойдутся, и я помогу расклеить листовки.

– Не нужна мне ни ваша помощь, ни защита.

– Ладно, но я хочу внимательно прочесть текст.

На ее лице отразилась неуверенность, как на шоссе.

– Или мой наряд до сих пор вас беспокоит?

Она оценивающе рассматривала его глаза, бороду, губы:

– Нет. Вы меня не обокрали и не убили. Думаю, несколько минут с вами в людном месте ничем не грозят.

В ее голосе звучало предупреждение. Маршалл невольно улыбнулся. Ее строгое личико напоминало маргаритку в шторм.

– Если бы я хотел причинить вам вред, давно бы это сделал. И спаивать не потребовалось бы.

– Воодушевляющее начало разговора.

– Вам известно мое имя, – Маршалл сделал пару шагов в сторону паба, – а мне ваше нет.

Она смерила его оценивающим взглядом, протянула руку с зажатым степлером.

– Эвелин Рид. Эва.

Он пожал ее вместе со степлером:

– Что будете пить, Эва?

– Я не пью, по крайней мере в пабах. А вы не стесняйтесь.

«Трезвенница в захолустном пабе? Будет весело», – решил он про себя.

Отправляясь в дамскую комнату, Эва доверила Маршаллу листовки. Вернувшись, застала его за изучением одной из них.

– Брат? – поинтересовался он, пока она усаживалась.

– С чего вы взяли?

Он постучал пальцем по фамилии на листовке:

– Трэвис Джеймс Рид.

– Может, это мой муж.

Маршалл прищурился:

– Он похож на вас, те же темные волосы и разрез глаз.

– Все так говорят.

– Трэв – мой младший брат.

– Он пропал?

Эве было ненавистно прозвучавшее в его голосе сочувствие. Наверняка решил, что случилось что-то плохое. Правда, она и сама каждый божий день об этом думала.

– На следующей неделе исполнится год.

– Страшный юбилей. Поэтому вы здесь? Его в этих местах видели в последний раз?

Она вскинула голову:

– Нет, в Мельбурне.

– Что же привело вас на запад?

– На восточном побережье я уже все города объездила.

Маршалл нахмурил брови:

– Не понял?

– Я ищу его. Объявления расклеиваю, справки навожу.

– А я решил, что вы в отпуск приехали или что-то в этом роде.

– Нет. Это моя работа. – Теперь. Прежде Эва работала графическим дизайнером в крупной маркетинговой фирме.

– В смысле – расклеивание листовок?

– Поиски брата. Разве может быть что-то важнее?

Его смущение было не ново. Не он первый не мог уразуметь ее мотивов. Даже отец не понимал. Ему было проще объявить Трэвиса мертвым и оплакать. Эва к этому не готова. Она представляла, что почувствовала бы, если бы брат умер, ведь они всегда были очень близки.

– Значит, вы колесите по дорогам и расклеиваете объявления?

– Именно. Пытаюсь всколыхнуть людские воспоминания.

– На восточное побережье у вас ушел целый год?

– Около восьми месяцев. Потом я хотела отправиться на север. – «И вот где оказалась», – мысленно добавила она.

– Что было до этого?

Эву снова затопило чувство вины за два потерянных месяца, когда она ждала помощи от полицейских, оказавшихся совершенно бесполезными. Ей следовало раньше взяться за поиски!

– Я доверяла системе.

– Власти его не нашли, да?

Десятки тысяч людей пропадают каждый год. Я поняла, что только семья может поставить поиски Трэва превыше всего.

– Так много?

– Подростки. Дети. Женщины. Многих довольно быстро находят.

Маршалл бросил взгляд на листовку:

– Здоровые восемнадцатилетние юноши не попадают в верхние строчки списка поиска?

У Эвы в горле образовался ком.

– Только если налицо признаки убийства.

Власти отказались считать затяжную депрессию Трэвиса психическим расстройством, хотя его шкафчик в ванной был полон психотропных препаратов.

Официантка с ужасными розовыми волосами со стуком поставила перед Маршаллом пиво, а перед Эвой лаймовый коктейль и удалилась.

– Теперь понятно, зачем вам автобус. Внутри очень уютно!

– Я в нем живу. Дом пришлось продать, чтобы выручить деньги на поездку.

– Вы продали дом?

Она вздернула подбородок:

– И с работы уволилась. Не хотела, чтобы что-то отвлекало от моей миссии. – Она замерла, ожидая осуждения.

– Ваш поступок вполне оправдан.

Такая оценка обескуражила. Обычно люди упрекали ее в глупости или даже безумии, намекая тем самым, что она такая же, как брат.

– И все на этом? Не станете давать мудрых советов?

Маршалл посмотрел ей в глаза:

– Вы взрослая женщина и поступили так, как считали нужным. Как я понимаю, продали *свою* собственность.

Эва внимательно всмотрелась в его лицо. Здоровая без изъянов кожа, скрытая косматой бородой, ясные глаза и ровные зубы.

– А ваша история?

– Нет никакой истории. Я путешествую.

– Вы не байкер. – Утверждение, а не вопрос.

– Не каждый владелец мотоцикла обязательно состоит членом байкерского клуба.

– Но вы похожи на байкера.

– Кожу я ношу потому, что она защищает при падении на асфальт, а бороду отрастил, чтобы иметь удовольствие не бриться. Нужно потакать маленьким слабостям, особенно путешествуя в одиночестве.

Эва посмотрела на татуировку кинжала:

– А тату?

Он тут же помрачнел.

– Все мы когда-то были молоды и импульсивны.

– Кто такая Кристина?

– Не важно.

– Ну, Маршалл! Я же показала вам скелет в шкафу.

– Что-то мне подсказывает, вы показываете его любому, кто готов слушать.

От нее не укрылся сквозящий в его голосе критицизм, она выпрямилась на стуле:

– Вы сами меня расспрашивали, не забывайте.

– Не обижайтесь! Мы едва знакомы. Зачем бы я стал изливать вам душу?

– А зачем тогда бросились спасать незнакомку на улице?

– Просто не хотел, чтобы вас как следует отдубасили. Но это вовсе не значит, что я готов демонстрировать свое грязное белье.

– Значит, Кристина – грязное белье?

Маршалл сжал губы в тоненькую ниточку и встал из-за стола:

– Спасибо, что составили компанию. Удачи в поисках брата.

Эва тоже вскочила:

– Маршалл, подождите!

Он медленно повернулся.

– Простите меня. Боюсь, я совсем разучилась общаться с людьми.

– Это точно.

– Где вы остановились?

– В городе, – неопределенно ответил он.

– Знаете, я... мне надоело питаться в автобусе в одиночестве. Не хотите позже поужинать вместе?

– Не думаю.

«Уходи, Эва! – приказала она себе. – Это разумнее всего».

– Мы сменим тему. Не станем говорить ни о моем брате, ни о вашей Кристине. Можем рассказать друг другу о местах, которые посетили, о любимых достопримечательностях.

Маршалл на мгновение прикрыл глаза, но в конце концов сдался.

– Через дорогу от моего мотеля – кафе. В конце этой улицы.

– Отлично.

Обычно Эва не ела в кафе в целях экономии, правда, прежде у нее никогда не было компании. Один ужин не повредит, даже с незнакомцем. Пусть и через дорогу от его номера в мотеле.

– Это не свидание, – поспешно добавила она.

– Нет, – криво усмехнулся он.

Наблюдая за тем, как он выходит из бара, весь затянутый в кожу, Эва чувствовала себя идиоткой. *Разумеется*, это не свидание, и он сразу все понял. Косматые одинокие волки, разъезжающие на мотоциклах, с женщинами не церемонятся. И на свидания не ходят.

О еде она заикнулась лишь потому, что хотела извиниться за свое поведение, учитывая, как он спокойно и с интересом воспринял рассказ о Трэвисе.

«Рукалицо»³, – вспомнилось любимое выражение брата, отлично соответствующее ситуации. Ей не помешает принять душ и отдохнуть, тогда, возможно, манеры улучшатся, а гормоны успокоятся.

Покрытый дорожной пылью байкер определенно герой не ее романа, сколь бы обворожительно он ни улыбался. Обычно она с трудом переносила запах пота, исходящий от мужчин в австралийской глубинке, но, когда Маршалл Салливан прижал ее к себе, тело отреагировало на крепкие объятия, исходящий от груди жар и слова, что он ей шептал.

Пусть даже борода и колючая.

Эва не любила бородатых мужчин.

Мужчина, разъезжающий по стране в одиночку, наверняка преследует какую-то цель. Спасается бегством, устранивается от общества, прячется от властей. А может, подобно ей, бросил жизни вызов.

Как бы то ни было, у нее внезапно возникло огромное желание снова посидеть с ним за одним столом.

– Тогда увидимся в семь тридцать! – крикнула она ему вслед.

Эва злилась на себя за опоздание, но еще больше на Маршалла Салливана за то, что до сих пор не появился. Неужели ухитрился заблудиться, переходя улицу?

Она обвела взглядом посетителей маленького кафе. Пожилая пара, уткнувшийся в книгу одиночка, двое друзей, спорящих над спортивной газетой. Снова посмотрев на читающего потрепанную книжицу мужчину, сидящего за барной стойкой, обратила внимание на его руки – очень красивые руки – и шагнула к нему.

– Маршалл?

Он поднялся. Сбрав бороду и усы, он не просто изменился, но стал совершенно иным человеком, хотя волосы по-прежнему оставались нестриженными. Зачесанные назад, они открывали гладкий широкий лоб и притягивали внимание к глазам.

Он заложил страницу салфеткой и закрыл книгу.

– «Путешествия Гулливера»? – удивилась Эва, взглянув на обложку. На самом деле хотелось воскликнуть: «Ты побрился?»

– Я всегда вожу с собой несколько любимых книг.

Она села рядом, не сводя глаз с его обновленного лица и пытаясь припомнить, как он выглядел, когда, потный, грязный и нечесаный, встретился ей на безлюдном шоссе.

– Какие книги в числе ваших любимых?

Он на секунду задумался:

– О путешествиях. Это свойственная человеку черта. Гулливер служит вечным напоминанием о том, как важна в жизни перспектива.

³ Популярное онлайн-выражение в виде физического жеста «лицо, закрытое рукой», является проявлением разочарования, смущения или отвращения в ответ на явную глупость или ложную информацию.

Эве больше всего нравилось описание лилипутов. Между ними повисло молчание.

– Вы побрились, – наконец выпалила она.

– Да.

– К ужину? – Который не был свиданием.

Он отрицательно качнул головой:

– Я периодически бреюсь. Так что вычеркните эту фразу и начните сначала. Даже символы свободы нуждаются в уходе.

– Так вот чем является для вас борода? Символом свободы?

– Так же как для вас автобус.

– Нет-нет, это всего лишь транспортное средство, совмещенное с жилищем.

– Не забываете, я был внутри. Это не жилище, а святилище.

Эва была с ним полностью согласна, но не решилась открыто признать правоту его слов.

– Я выкупила «Бедфорд» у старого плотника. У него умерла жена, и он не мог продолжать путешествовать без нее.

– Интересно, понимает ли он, чего лишился?

– Не вы ли только что утверждали, как важна перспектива в жизни человека?

– Верно.

К ним подошла официантка средних лет, отдуваясь так, будто шесть посетителей кафе слишком много для нее, и, приняв заказ из ограниченного меню, удалилась.

Маршалл вскинул бровь, удивленный выбором Эвы:

– Уж не перед марафоном ли вы решили углеводами подзарядиться?

– Вы же видели мою печку. На ней можно приготовить лишь самые простые блюда, так что время от времени нравится есть в кафе что-нибудь, зажаренное во фритюре.

Кроме того, в кипящем масле погибают любые бактерии. Нет ничего хуже, чем застрять с пищевым отравлением в богом забытом городке или на шоссе, где внутренности будут выворачивать прямо на гравий.

– Теперь вы знаете, на какие средства я путешествую по стране. А что насчет вас?

– Торговля оружием и наркотиками, – серьезно глядя на нее, ответил он.

– Очень смешно.

– Но ведь вы именно это подумали, когда увидели меня впервые. Не так ли?

– Я увидела здорового парня на пустынном шоссе, он отчаянно хотел попасть в автобус.

Как бы вы поступили на моем месте?

Маршалл прищурил глаза:

– Я, как и вы, работаю. Переезжаю с места на место.

– На кого работаете?

– На федеральное правительство.

– Ах, на федералов, – разочарованно протянула Эва. – А какой департамент?

Прежде чем ответить, он сделал большой глоток пива:

– Метеорологии.

– Вы *синоптик*! – недоверчиво переспросила она.

– Верно. Каждый вечер появляюсь на голубом экране с прогнозом погоды.

Ее улыбка стала шире. Откинувшись на спинку стула, он произнес заученным тоном:

– Метеорология – это наука.

– Не похожи вы на ученого. – Развитая мускулатура и татуировки никак не вязались в сознании Эвы с представителями этой профессии.

– Вам больше понравилось бы, будь я в белом халате и очках?

– Да. – Что угодно, только не черная футболка. – Что в ваших изысканиях такого важного, почему на них выделяют деньги налогоплательщиков?

– Ну, вам-то беспокоиться не о чем, вы не работаете, значит, не платите налоги.

Он прав, черт подери.

– В чем состоит ваша миссия?

– Инспектирую метеостанции, докладываю об их состоянии.

Теперь понятно, почему у него такие ухоженные руки.

– Я-то думала, вы вольная птичка на колесах, а вы аудитор.

Маршалл поджал губы:

– Боюсь, теперь я еще ниже пал в ваших глазах.

Эва с повышенным вниманием принялась намазывать маслом булочку, откусила кусочек.

– Сколько в стране метеостанций?

– Восемьсот девяносто две.

– И они послали одного человека? – удивилась Эва. Неужели местные власти не в состоянии следить за тем, чтобы опоссумы не проникали в дорогостоящие установки?

– Я сам вызвался на эту работу. Хотел сменить обстановку.

Эва предпочла не интересоваться – почему. Предполагалось, что они будут обсуждать примечательные путевые моменты.

– Где находится самая труднодоступная станция?

– В Джайлзе. Это пустыня Гибсона в семистах пятидесяти километрах к западу от Элис-Спрингс.

– А стартовали откуда?

– Из Перта. Там же и закончу.

– То есть отсюда полтора дня езды.

– Вы родом из Перта?

– Нет, из Сиднея.

Эва представила, как он объезжает страну против часовой стрелки, с запада на восток.

– Ваша миссия близится к завершению?

Его смех привлек внимание других посетителей.

– Да.

– А полюбоваться местностью оставалось время? Или только работали?

Он пожал плечами:

– Некоторые места стремился проскочить поскорее, в других задерживался. Я наделен гибкостью.

Эва прекрасно понимала, что он имеет в виду. Бывают города, которые нашептывают на ушко, точно возлюбленный, другие орут в голос, прогоняя прочь. От последних она бежала со всех ног.

– Где вам больше всего понравилось?

Маршалл пустился в воспоминания. Говорил о местах, покоровших его воображение, о доисторических, поросших папоротниками глубинах каньона Клаустрал, купании в кристально чистых водоемах на известняковых берегах Южной Австралии, умиротворяющем уединении ущелья Кэтрин в Национальном парке «Нитмилук» на севере Австралии.

– И конечно, впечатляющее местечко недалеко отсюда.

– Налларбор? – Огромная, напрочь лишенная деревьев пустынная равнина, не самое примечательное место, однако ничего другого в голову не приходило.

– Большой Австралийский залив, – уточнил Маршалл.

Эва часто заморгала:

– Вы съехали с шоссе и отправились на побережье?

– Моя цель – города. – Он наигранно подавил зевок. – Но я не мог пропустить одно из самых удивительных чудес природы всего в полутора часах езды.

– Это означает прибытие в следующий город с опозданием.

Он нахмурил брови:

– Вам нужно чаще смотреть по сторонам.

– Я на работе.

– И я тоже, но и о жизни забывать не следует. А выходные?

Прозвучавшая в его голосе критика ранила Эву.

– Не все подчиняются строгому распорядку труда и отдыха. Один день – один час – может сыграть роль во встрече с кем-то, кто видел Трэвиса.

Возможно, даже во встрече с ним самим.

– А что, если вы с этим человеком разминетесь как раз на час? Задержитесь где-нибудь полюбоваться природой, и ваши пути пересекутся...

Подобные мысли нередко терзали ее по ночам. Бесконечные «что, если...».

– Час позднее означает, что он увидит мою листовку, а час раньше – даже не будет знать о пропаже брата. – Так она всегда себя убеждала.

Маршалл пожал плечами:

– Неужели не понимаете?

– Не быстрее ли разослать объявления по электронной почте во все почтовые отделения страны и попросить служащих их расклеить?

– Дело не только в объявлениях. Я ведь с людьми разговариваю, охочусь за подсказками, пытаюсь произвести должное впечатление.

– Так вот чем вы сегодня занимались? Должное впечатление производили?

– Для достижения цели все средства хороши.

Официантка принесла заказ, расставляя на столе тарелки и стаканы.

– Мы же хотели о другом поговорить, разве нет? – весело сказала Эва, пробуя жареную картошку. – Куда вы отправитесь дальше?

– Сначала в Калгурли, потом в Саут-Кросс.

– На север. В противоположную ей сторону.

– А вы? – нейтрально поинтересовался Маршалл.

– В Эсперанс и Рейвенсторп с заездом в Израильский залив. – Могла бы сразу нарисовать план маршрута на салфетке! – После Налларбора у меня листовки почти закончились, надо зайти в отделение городской полиции. По закону они обязаны бесплатно печатать листовки с информацией о пропавших людях, – видя недоумение на лице Маршалла, пояснила она. – Ближайшее отделение в Эсперансе.

– Удобно.

– Это самое меньшее, что они могут сделать.

На большее они и не способны, но хотя бы выражают сочувствие.

– Тяжело, должно быть, везде наткаться на кирпичные стены.

– Лучше уж наткаться на стены здесь, чем намертво застрять в Мельбурне. Тут я хотя бы делом занимаюсь.

Ожидание дома, когда другие люди найдут брата, убивало Эву.

– У вас большая семья?

Перед глазами промелькнуло убитое горем лицо отца.

– Только отец.

– Матери нет?

Она выпрямилась. Он отказывается рассказывать о Кристине-с-татуировки, потому что ее пьянице матери ничего не узнает. Выражение ее лица говорило красноречивее слов, он поспешил сменить тему.

– Подозреваю, это наш первый и последний совместный ужин, – весело произнес он, салютуя вилкой с порцией картофельного пюре и горошка. Простая констатация факта.

Опасаясь, что ее ответ может быть воспринят как приглашение, Эва очень тщательно подбирала слова.

– Не нам судить. Наши дороги могут снова где-нибудь случайно пересечься.

Возможно ли, когда они отправляются в противоположные стороны света? Их знакомство чистая случайность. Она ехала по безлюдной дороге, он пострадал от эму и нуждался в помощи.

Маршалл пытливо посмотрел на нее и снова принялся за еду.

– Ты родом не из Сиднея?

Мысленно застонав, он отодвинул пустую тарелку. Кто бы мог подумать, что разговаривать о пустяках так утомительно? Много недель он ни с кем не был столь многословен. И все ради того, чтобы обойти молчанием его татуировку и ее пропавшего брата. Так они договорились, она следовала условиям сделки, хотя отчаянно хотела узнать больше.

Именно из-за необходимости разговаривать Маршалл избегал ужинать с женщинами, предпочитая сразу переходить к сексу. Но с Эвой такой подход не применим. Тем более удивительно, что он ответил согласием на ее приглашение. Вероятно, ему просто одиноко.

– Брисбен.

– Сколько тебе было, когда вы переехали? – Эва не подозревала о том, какие мысли у него мелькают. Не догадываясь, на какую опасную территорию случайно вступила. Маршалл вспомнил брата, маму и трудную пору юности в Сиднее.

– Двенадцать, – с трудом процедил он, напрягшись всем телом.

Умом он понимал, Эва всего лишь пытается поддержать беседу, но не мог отделаться от мысли, что за ее невинными вопросами стоит нечто большее. Двенадцать – самый неподходящий возраст вырваться из привычной среды, друзей и школы, где твердо стоишь на ногах, даже если живешь в бедном пригороде одного из крупнейших городов страны. Но для женщины, родившей второго сына только ради получения социального пособия, смена штата в погоне за более щедрыми выплатами матерям-одиночкам была делом обычным. Вне зависимости от того, кто при этом страдает.

Ни Маршалл, ни его старший брат Рик этих денег никогда не видели. Для матери они стали лишь средством достижения цели, чтобы не остаться голодной. Рик впоследствии стал торговать наркотиками.

– И как вы жили?

– Нормально.

Она смотрела на него умными темными глазами:

– Угу.

«Теперь ваша очередь, Оскар Уайльд». Но Маршаллу ничего не приходило в голову, поэтому он сложил салфетку и отодвинул стул.

Что ж...

– Что случилось? – Эва смотрела на него с любопытством, но не осуждая. И не двигаясь с места.

– Уже поздно.

– Всего полдевятого.

Неужели прошел всего час? По его ощущениям, целая вечность.

– Я выезжаю на рассвете, чтобы до жары успеть к озеру Лефрой. И к благословенному одиночеству, когда не нужно ни перед кем изливать душу.

Эва склонила голову, волосы упали на плечо, послав в его сторону дразнящее облачко нежного аромата.

– Спасибо, что составила компанию, – запинаясь, произнес он.

– Не за что, – подыграла она.

В неловком молчании они оплатили счет – каждый за себя – и вышли на темную улицу, где в полдевятого вечера уже не было ни единого человека.

– Послушай, – начала она, посмотрев вправо и снова на него. – Я понимаю, здесь близко, но не мог бы ты проводить меня до автобуса?

Обоим вспомнились трое пьяных парней, с которыми она сегодня поругалась.

– Где ты припарковалась на ночь?

– Обычно я ищу местечко получше...

«О боже, она даже на ночь не устроена!» – ужаснулся он.

Некоторое время они шли в молчании, потом Маршалл прорвало:

– Мне в мотеле положена парковка. Можешь воспользоваться ею, если хочешь. Я подвину мотоцикл.

– Правда? – с искренней благодарностью воскликнула она. – Это было бы чудесно! Большое спасибо!

– Не за что.

Он повернул направо следом за ней и зашагал по тихой главной улице Норсмана. Оба молчали. Подойдя к автобусу, она открыла боковое окно и, просунув руку, разблокировала переднюю дверь. Дождавшись, когда она сядет в кабину, Маршалл забрался в салон.

Прежде эта территория была для него запретной, но теперь Эва вела себя спокойно, что безмерно порадовало его. Похоже, он выдержал испытание. Возможно, она изменила отношение после того, как он побрился.

Двигатель взревел, Эва развернулась к мотелю. Маршалл указал ей свое место на парковке, после чего передвинул мотоцикл. Автобус занимал больше одного парковочного места, но Маршалл решил, что это ничего, ведь кроме него в мотеле всего один посетитель.

– Еще раз спасибо за предложение. – Эва стояла у распахнутой задней двери.

В желтоватом свете, льющемся из окон кричаще яркого мотеля, Маршалл различал внутренности автобуса через открытую створку двери: неудобный диван, на котором спал, и кусочек кровати со стеганым одеялом цвета бургундского вина и двумя большими подушками.

– Стоянка для автофургонов в это время года почти пуста, – сдавленно пояснила Эва, проследив направление его взгляда. – А я предпочитаю быть ближе к людям.

Упершись плечом о корпус автобуса, он изучал ее, гадая, не передумала ли она? Быть может, открытая дверь – приглашение для него? Следует ли принять? Хорошенькую настороженную девушку, колесящую по стране с миссией, явно не назовешь легкой добычей, но ради нее можно немного поднапрячься.

– Без проблем.

Она переминалась с ноги на ногу:

– Ну, тогда доброй ночи. Увидимся утром. И еще раз спасибо.

Она твердо закрыла дверь и задернула занавеску. Разочарованно улыбнувшись, Маршалл поплелся к мотелю, думая о том, в какую неловкую ситуацию они угодили. Он такой сильный и молчаливый, она заливается девственным румянцем. И оба сожалеют.

Он отпер дверь номера. Пустое бездушное пространство, совсем не похожее на уютный салон автобуса Эвы.

Пустота и бездушные ему нравились всегда.

Глава 3

– Автобус – поистине универсальное транспортное средство, правда? – раздался голос слева от Эвы.

Она вздрогнула. Несколько дней минуло с тех пор, как мотоцикл Маршалла с громким ревом отъехал от стоянки мотеля и растворился в лучах восходящего солнца. Судя по отросшей щетине, он с тех пор ни разу не брился.

– Маршалл? Ты разве не на север поехал?

– На север. Но в районе Кэла на шоссе разбился автопоезд, обломки будут убирать сутки, вот я и решил изменить маршрут, двинулся против часовой стрелки на юго-запад. – Помедлив мгновение, он добавил: – Как ты?

Эва не ответила, размышляя над тем, не означает ли это нечто особенное.

– Вообще-то я соскучился по тебе.

Неужели? Непроницаемые солнечные очки скрывали выражение глаз. С другой стороны, если бы он хотел избежать встречи с ней, мог бы просто пройти мимо. Занятая распространением листовок, она не заметила бы его.

Эва расправила плечи:

– Мне пришлось заехать в Салмон-Гамс и Гибсон. Сюда я прибыла только вчера ночью.

Маршалл посмотрел на две дюжины листовок, прикрепленных к дверям багажного отделения так, что получился большой плакат, перед которым Эва поставила складной столик, прошелся взад и вперед, внимательно всматриваясь в каждый снимок.

– Кто эти люди?

– Те, кто пропал без вести долгое время назад. – Те самые *десять процентов*.

– Ты всех их знаешь?

– Нет, но я знакома с их семьями. Виртуально, во всяком случае.

– Пропали без вести. – Он нахмурился. – Разве ты тем самым не отвлекаешь внимание от брата?

– С моей стороны было бы эгоизмом разъезжать по стране, преследуя исключительно личные интересы. У нас что-то вроде двустороннего соглашения. Например, кто-то выступает в средствах массовой информации, стараясь показать как можно больше пропавших людей. А я обычно демонстрирую большие плакаты в крупных городах во время отдыха.

Едва ли Эсперанс можно считать мегаполисом, а бесконечные разговоры с незнакомцами – отдыхом.

Маршалл взял листовку с изображением Трэвиса:

– «У нас» – это у кого?

– Родственники пропавших людей образовали сообщество, – пояснила она. – Нас много.

– Официальное сообщество?

– Неофициальное. Мы обмениваемся сведениями и подсказками, делимся успехами. – «И неудачами тоже. Их гораздо больше».

– Хорошо иметь такую поддержку.

Точнее не скажешь! Иногда обязательства перед группой людей, с которыми она даже не знакома лично, единственная причина подняться утром с кровати.

– Когда я только начинала, думала лишь о Трэве. Но эти люди, – она кивком указала на постер, – приняли меня в свою большую семью. И я не могу не оказать им посильную помощь.

Подошедшая к ним женщина взяла со стола листовку, Эва заговорила с ней, глядя в глаза и источая энтузиазм. Каких бы усилий ей это ни стоило.

Дождавшись, когда женщина внимательно ознакомится с экспозицией, в которой брату Эвы отводилось центральное место, Маршалл заметил:

– Тут одного не хватает. Ветром, что ли, унесло?

– Нет, сама сняла.

Он вздернул брови:

– Человек нашелся? Прекрасно!

Далеко не прекрасно. Но, по крайней мере, нашелся. Супруги Симмонс до конца жизни будут страдать от ночных кошмаров, после того как останки их сына обнаружили у подножия горы, популярной среди любителей пеших прогулок. Дело закрыто. Все чувства умерли.

Возможно, однажды придет и ее очередь узнать о гибели брата. Боль потери вытеснит огромный вопросительный знак, преследующий ее двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю, и она будет благодарна даже за такую определенность. Но разве объяснишь это другим членам сообщества? Куда проще улыбаться и кивать.

– Да, прекрасно.

Повисло неловкое молчание.

– Ты все-таки попала на побережье Израильского залива?

– Поеду туда завтра или в среду.

Он прищурился:

– Послушай, у меня идея. Тебе нужно ехать к заливу, а мне в Кейп-Эрид и на Миддл-Айленд. Почему бы нам не объединиться в команду и не путешествовать вместе, а? Что скажешь?

Разумно ли проводить в его обществе больше времени, с трудом поддерживая разговор и разгадывая значение татуировок?

– Я буду тебя задерживать. Мне нужно расклеивать листовки во всех придорожных гостиницах, на стоянках автофургонов и в туристических лагерях.

– Все нормально. У меня в запасе пара дней, так что можно особо не спешить.

Интересно, почему он говорит с видимой неохотой? Цедит слова, будто против воли. Она было собралась отказать, но Маршалл опередил ее:

– На Миддл-Айленд нет доступа. Без специального разрешения тебе туда никак не попасть.

– А у тебя есть это разрешение?

– Да.

– Ты не забыл, что для меня это не увеселительная прогулка?

– Ты будешь заниматься своей работой и заодно составишь мне компанию.

– Я и одна могу поехать, к ночи вернусь в Эсперанс.

– Или можешь позволить себе несколько часов отдохнуть и полюбоваться той частью страны, которую еще не видела.

– Не так уж мне и нужно на Миддл-Айленд.

– Остров с закрытым доступом – отличное место, чтобы залечь на дно, чтобы тебя не нашли.

Едва произнеся эту фразу, Маршалл прикусил язык и поморщился:

– Прости. Боже мой, извини. Я просто подумал, что тебе не помешает немного развеяться. Это пошло бы на пользу.

Его слова возымели желаемый эффект. Эва ухватила за возможность проникнуть на закрытую территорию, проверить, не прячется ли там, в самом деле, Трэвис в палатке.

– Я повезу тебя на мотоцикле, – предложил Маршалл, будто это что-то вроде бонуса.

У Эвы все сжалось внутри.

– Мотоциклы убивают людей, – воскликнула она.

– Люди сами убивают других людей. Ты хоть раз ездила на мотоцикле?

«Да, тандемом с женщиной, переживающей кризис среднего возраста». Однако вслух она сказала:

– У мамы был 250 сс.

– Правда? Круто!

Они с Трэвисом тоже так считали, пока однажды мать не погибла в аварии, а брат не оказался на волоске от гибели.

– Пока не прокатишься с ветерком, можешь считать, что не знаешь вкуса жизни.

– Нет, спасибо.

– Перестань! Неужели не хочешь ощутить огромную мощь между ногами?

– Какое скабрзное предложение.

Он пропустил ее слова мимо ушей:

– Или свободу передвигаться со скоростью сто километров в час?

– Для тебя это, может, и свобода, а для меня сущий кошмар.

– Лишь попробовав, сможешь узнать наверняка.

– Не хочу я пробовать.

Маршалл не пытался скрыть разочарования:

– Тогда следуй за мной в автобусе. Тоже весело.

Эва поняла: веселье для него закончится очень быстро, когда она в третий раз за день остановится, чтобы расклеить листовки.

– Если верить путеводителю, здесь недалеко хорошая стоянка. Сможешь полюбоваться закатом западного побережья.

– Я повидала достаточно закатов.

– Но не со мной, – соблазнительно улыбнулся он.

Его напористость завораживала Эву.

– Почему ты так настойчив?

– Потому что ты все упускаешь. Всю страну пропустила. Не говоря уже о моментах радости, окрашивающих жизнь яркими красками.

– Тебе определенно нужно подрабатывать составителем текстов для поздравительных открыток.

– Давай, Эва, туда стоит съездить. Всего-то несколько часов отсрочки.

– Что, если Трэвис появится во время моего отсутствия? – Она озвучила неотступно терзающий ее самый страшный кошмар.

– Он увидит листовку и поймет, что ты его ищешь.

Правда, заключенная в словах Маршалла, причиняла боль. Любое ее решение причиняло боль, потому что могло как приблизить к брату, так и отдалить. Предложение Маршалла стоило серьезно обдумать, а перспектива полюбоваться закатом с ним даже приглушила боль.

– Когда? – со вздохом спросила она.

– Сколько времени ты еще здесь пробудешь?

– У меня разрешение до полудня.

– Давай в пять минут первого?

– Шустрый какой! Неужели думает, что она так отчаянно стремится броситься на поиски приключений? Стоит остудить его пыл.

– В десять минут первого.

Улыбка озарила и преобразила лицо Маршалла.

– Договорились.

– И спать мы будем по отдельности. Предупреждаю на всякий случай.

– Я всего лишь пригласил вас, леди, встретить со мной закат. – Он пожал плечами, окончательно покорив ее этим жестом.

– А теперь иди, Синоптик, не то всех людей мне распугаешь своим нарядом.

Губы сказали «иди», а сердце «останься», но она в совершенстве овладела искусством подавлять его порывы. И страхи. Они мешали поискам брата. Эмоциональная отрешенность

– лучшее состояние души. Но Маршалл Салливан сумеет заглушить голоса, звучащие в ее голове и сердце.

Пусть и на короткое время.

Две сотни километров на восток они проехали весьма примечательно. Эва на древнем автобусе плелась позади Маршалла, поскольку он, не выдерживая, на большой скорости уносился далеко вперед, разворачивался и возвращался к ней. Она останавливалась на всех придорожных и обзорных площадках, у гостиниц и кемпингов, чтобы расклеить листовки.

Хуже поездки и представить нельзя.

Наконец они прибыли в палаточный лагерь, уютно угнездившийся в объятиях залива в потаенном уголке Национального парка в Кейп-Эрид. Рай для путешественников, рыбаков и представителей дикой фауны.

Но сегодня это место оказалось всецело в их распоряжении.

– Сколько же здесь оттенков синего! – воскликнула Эва, обводя взглядом залив.

У берега вода была льдисто-прозрачной, но там, где глубже, цвет становился лазурно-голубым, как на открытках, и, наконец, превращался в чернильную линию на горизонте, сливающуюся с насыщенно-синей палитрой австралийского неба. Слева на каменных валунах грелись на солнышке морские львы.

Отрада для глаз и души!

– Это пустыки. – Маршалл думал о том, сколько красивых мест она оставила без внимания. – Если бы ты время от времени сходила с намеченного маршрута, увидела бы гораздо больше.

Эва не ответила. Открыла задние двери автобуса, впуслав в салон бодрящий морской воздух, и, расстелив на земле плед, устроилась понежиться в лучах послеполуденного солнца. Ее внимание привлёк виднеющийся в море остров.

– Мы направляемся туда?

Маршалл сел рядом, глядя в указанном направлении.

– Нет. Это один из меньших островков архипелага. Миддл-Айленд дальше, большое пятно на горизонте.

Он придвинулся к ней, вытянул руку, показывая. Сейчас они находились почти так же близко, как в Норсмане, когда он вынес ее, упирающуюся и брыкающуюся, из толпы. Маршалл вдруг понял, как отчаянно соскучился по ее запаху, который теперь витал вокруг него, обволакивая и дразня.

– А сколько их всего?

О чем это она? Ах да, об островах!

– Больше сотни.

Эва поднялась и с удвоенной энергией принялась обозревать водную гладь. Маршалл тоже встал и, опершись рукой об автобус, стал смотреть вместе с ней.

– Трэв может оказаться где-то там.

Вот уж нет. Пресная вода только на двух островах.

– Послушай, Эва.

Она повернулась к нему, их лица оказались очень близко друг к другу.

– Мне жаль, что я сказал такое о твоём брате, ударил по больному месту. Шансы, что он где-то там...

– Ничтожно малы, знаю. Но идея уже прочно утвердилась в моем сознании, и мне не будет ни сна, ни покоя, пока все не проверю.

– Я не хотел причинить тебе боль.

– Мне не больно, Маршалл. Наоборот, ты помог мне. Я ведь ищу брата.

Последние слова были произнесены с особым нажимом, будто она хотела напомнить ему и себе тоже о своей миссии. Внутренний голос подсказывал Маршаллу, что она приехала сюда ради него.

Он смотрел в ее глаза дольше, чем предписывалось правилами хорошего тона, видел плещущийся в их темных глубинах океан, способный соперничать с простирающимся перед ними водным простором.

– Не кажется мне это место подходящим для метеостанции, – наконец сказала Эва.

Смена темы. Он принял ее правила игры:

– Верно. Однако так можно получить наиболее точные данные о погодных условиях на южном побережье.

– Понимаю.

Их окутали многие слои тишины, нарушаемой лишь отдаленным птичьим криком, шумом волн, разбивающихся о гранитные берега, и шепотом ветра. Эва вдруг осознала, что находится вдали от людей наедине с мужчиной, которого едва знает.

– Когда за нами придет лодка? И куда причалит?

– Рано утром. Доставит на Миддл-Айленд, так что и внедорожник не понадобится.

Маршалл отошел от нее, обеспечив столь желанное личное пространство.

– Хочу окунуться, пока солнце не зашло.

Эву тоже тянуло искупаться, но она опасалась делать это при незнакомом мужчине, он продолжал оставаться таковым, несмотря на несколько пережитых вместе волнующих моментов. Если бы Маршалл не был столь настойчив в своем желании побыть с ней наедине, она почувствовала бы себя гораздо лучше.

– Увидимся позже.

Он побежал на пляж, ни разу не оглянувшись. Раздевшись до трусов, нырнул в холодную воду. Обычно он даже в общественных местах купался голышом, но в компании Эвы был вынужден щадить ее чувства. Песок под ногами был манящим и мягким, точно рассыпанное облако пудры.

От ледяного прикосновения воды тело немедленно покрылось гусиной кожей, зато смылась дорожная пыль. Он поплавал немного на мелководье, нырнул прямо в волну, вздымающуюся над ним грациозной аркой.

Купание в бездонном суровом океане всегда даровало ему невероятное ощущение расслабленности, физической и моральной, помогало не сойти с ума. Тем более примечательно, что, оказавшись в Эсперансе, он первым делом бросился не плавать, а на поиски невысокой темноволосой девушки, одержимой навязчивой идеей.

Чтобы оправдать свои действия, Маршалл приводил дюжину доводов, каждый последующий казался неправдоподобнее предыдущего. Очевидно, он истосковался по человеческому обществу куда сильнее, чем по морской воде.

Много месяцев его не терзал плотский голод, подстрекающий отправиться на поиски женщины, согласной переспать без каких-либо обязательств и расстаться навсегда. Вокруг достаточно женщин, готовых исцелить страждущее сердце, свести счеты с неверным мужем или заглушить боль, притаившуюся в глубине души. Именно с такими он имел дело, они не задавали вопросов и не питали надежд.

Подобные интрижки помогали унять зов плоти, когда тот слишком громко напоминал о том, насколько бездушны и пусты человеческие отношения. Любые, не только случайные сношения с незнакомками на стоянках и в барах. Те хотя бы точно знают, чего хотят.

Маршалл сильнее загребал руками, всецело сосредоточившись на работе мышц, которые постепенно наливались привычной усталостью. В теле бушевало пламя, но снаружи он оставался холоден как лед. Затем он стал думать о воде, попавшей сюда, возможно, из Антарктики. Среда обитания китов, морских слонов, дюгоней, кальмаров, загадочных, прячущихся в глу-

боководных расселинах рыб-капель и сотен других морских существ. Люди всего лишь горстка прямоходящих приматов с ловкими пальцами, использующая не более миллиметра пространства у кромки мирового океана и не имеющая представления о тайнах планеты.

Истинный Гулливер.

Маршалл принялся размышлять о мизерной роли человека с его глупыми проблемами в круговороте природы. Когда он снова взглянул на солнце, оказалось, оно почти скрылось за линией горизонта. Он знал, что у южного побережья обитает много акул, которые любят кормиться на закате и рассвете. Сколь бы однообразной ни была его жизнь, сколь бы ни напоминала фильм «День сурка», он пока не готов с ней расстаться, позволив хищникам слопать себя на ужин.

Маршалл развернулся и неспешно поплыл к тому месту, где оставил одежду. Выйдя на берег, с силой прижал пальцы к векам, провел руками по волосам, вытряхивая морскую воду, некоторое время стоял с закрытыми глазами, подставив лицо лучам солнца. А когда, наконец, открыл их, увидел прямо перед собой Эву, держащую в руках несколько полотенец. Рот ее был широко открыт, дыхание прерывалось.

Эва понимала: неприлично так пялиться, но не могла заставить себя отвести взгляд от татуированного торса и живота. На его груди красовалось изображение хищной птицы, величественные крылья которой раскинулись столь широко, что переходили на загорелые плечи. Татуировка была сделана с тем расчетом, чтобы подчеркнуть развитую мускулатуру, и полностью скрывалась под футболкой. Удивительно, но этот узор смотрелся на его теле очень органично, будто он родился с ним.

Еще она заметила на его бицепсе несколько иероглифов, не понятно, китайских или японских. Плюс кинжал на другой руке. Не слишком ли много для метеоролога?

– Эй!

Оклик заставил взглянуть ему в лицо.

– Вау, – хрипло вскрикнула она, понимая, какое это глупое начало разговора. – Как ты долго плавал.

– Истосковался по океану. Извини, если заставил тебя беспокоиться.

Пока он плавал, она изучала карту, чтобы убедиться, что не пропустила ни единого города, ни единой автостоянки.

– Первым исследователям этих мест несладко пришлось. – Она предприняла вторую попытку завязать разговор.

Нахмурившись, Маршалл взял из безвольных пальцев Эвы полотенце, крылья хищной птицы задвигались, снова обращая на себя внимание. Она пыталась смотреть на что-нибудь еще, но не удавалось. Ужасно хотелось отступить, но она не желала дать понять, как сильно ее волнует его вид.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.